

УДК 81-37

**ПОНЯТИЙНО-ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА
«ЛЮБОВЬ» В ЛИНГВОФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале синодального перевода Библии и King James Bible)**

Т.А. Полетаева

Белгородская Духовная семинария, г. Белгород,
Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный
Университет, г. Москва

В статье сравниваются характеристики концепта «любовь» на основании анализа значений слова в толковых словарях и его интерпретации на философском уровне. Исследуются понятийно-образные характеристики концепта «любовь» в русском (синодальном) переводе Библии и в «Библии короля Иакова».

Ключевые слова: *концепт, архетипический, лингвофилософский, любовь, Библия, синодальный перевод, «Библия короля Иакова».*

Концепт, по словам Н.Ф. Алефиренко, есть излучение из глубины этнокультурного сознания некоего множественного смысла [2: 10–11]. Концепт «любовь» относится к числу архетипических концептов, т.е. таких древнейших ментальных образований, которые ориентированы на смысложизненные ценности, универсальные для всех людей, независимо от их культурной, кровной или расовой наследственности, наряду с концептами счастья, свободы, веры, надежды.

Этот концепт присутствует в языковых картинах всех народов мира, будучи репрезентирован в таких понятиях, как *love* (англ.), *die Liebe* (нем.), *amare* (ит.), *diligitis* (лат.), *обичам* (болг.), *miłość* (польск.), *коханья* (укр.), *láska* (чеш.), *љубов* (макед.), *αγάπη* (греч.), *ljubezen* (словен.), *љубав* (серб.), *dragoste* (румын.), *szerelem* (венгер.), *юрату* (чуващ.), *rakkaus* (фин.), *amor* (порт., испан.), *elsker* (норвеж.), *liefde* (нидерл.), *ást* (исл.), *grá* (ирл.), *aşk* (тур.), *hubun* (араб.), *сүйүү* (киргиз.), *ài* (кит., яп.), *cinta* (индонез.) и т.д.

Несогласованность в понимании концепта «любовь» в человеческом обществе, обусловленная как лингвокультурными, так и религиозными особенностями, часто приводит к драматическим, а порой и конфликтным ситуациям. Очевидно, что для решения возникающих проблем межличностного общения необходимо добраться до духовных истоков этого концепта, что можно попытаться сделать в рамках его лингвофилософского анализа, т.е. такого интегративного подхода, при котором применяются общефилософские и лингвистические приёмы исследования с акцентом на последних.

У концепта «любовь» большое количество смыслов. Попробуем, прежде всего, рассмотреть значение этого слова в русских и английских толковых словарях, обратимся к философской его интерпретации, в том числе и в дохристианскую эпоху, а затем выявим его понятийно-образные характеристики в Библии в русском синодальном переводе и – с целью расширения поля исследования и сравнения – в английском переводе *King*

James Bible, и, таким образом, попытаемся выявить семантические ряды концепта «любовь» в библейском тексте, раскрыть его множественный смысл.

В отечественных толковых словарях (В. Даля, изданном в середине XIX в., Д.Н. Ушакова, впервые изданном в 1935–40 гг., С.И. Ожегова, впервые увидевшем свет в 1949 году, в версии 1987 г., а также в современном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой 2000 г.) «любовь», прежде всего, определяется как необъяснимое рассудком чувство привязанности «от склонности до страсти» [5: 282–283], как «чувство самоотверженной, сердечной привязанности» [10: 269], основанное либо на общности интересов и идеалов, либо на взаимном расположении, симпатии, близости, либо на инстинкте [14], либо «на половом влечении» [7].

В современных английских словарях любовь также, в первую очередь, определяется как чувство (*feeling*).

Так, Longman Dictionary даёт следующие определения: *a strong feeling of caring about someone, especially a member of your family or a close friend; a strong feeling of liking someone a lot combined with sexual attraction; a strong feeling of pleasure and enjoyment that something gives you* [16]. В Оксфордском словаре мы находим такое описание слова *love* как чувства: *an intense feeling of deep affection; a strong feeling of affection and sexual attraction for someone; affectionate greetings conveyed to someone on one's behalf* [17].

Философскую характеристику любви можно найти у В.С. Соловьёва [12: 704]. Философ выделяет несколько видов любви: самая главная, по его мнению, это половая любовь – именно она, пишет В.С. Соловьёв, есть единственная «сила, которая может изнутри, в корне, подорвать эгоизм» [13: 507]. Эта любовь (неразделённая, взаимная, но приводящая к трагическому концу, счастливая, но без деторождения) вовсе не служит человеческому роду [13: 501–507]. Другие виды любви – это любовь родительская (в частности, материнская), дружба между лицами одного и того же пола, патриотизм, любовь к человечеству, любовь к науке, искусству и т.п. [13: 509–510].

Филолог, философ, библеист и культуролог С.С. Аверинцев отмечает, что попытки осмыслить понятие «любовь» были ещё у Гесиода в его мифологическом эпосе, где любовь понималась как космическая *сила*, которая присуща богу Эросу, рождающемуся сразу после Хаоса и Матери-Земли. Для греческой мысли (в частности, в лице Эмпедокла, Аристотеля, Посидония) было характерно понимание любви как «строящей, сплавивающей, движущей и соразмеряющей *энергии* мироздания» [1]. У Платона также появилось разделение любви на виды: чувственную влюблённость, служащую удовлетворению страстей, и идеальную любовь, предмет которой есть абсолютное Благо и абсолютная Красота. Однако разделение понятия «любовь» на виды в древнегреческом языке было больше, чем то, что предлагал Платон. Согласно С.С. Аверинцеву, в древнегреческом языке выделялись четыре вида любви: «эрос» как восторженная влюбленность, стихийная и страстная самоотдача, причем направленная не только на плотское, но и на духовное, «филия» как приязнь, обусловленная социальными связями и личным выбором (иначе дружба), «сторгэ» как семейная любовь-нежность и «агапэ» как снисходящая любовь к ближнему [там же].

О. Павел Флоренский, глубоко исследовавший эту особенность греческого языка, называл четверицу слов «любви» одной «из великих драгоценностей сокровищницы эллинского языка» [15: 327].

Но совершенно новые смыслы любви предложило христианство, которое в своем понимании опиралось, прежде всего, на Священное Писание Ветхого и Нового Завета.

Проанализируем понятийно-образное выражение концепта «любовь» в Библии в двух переводах – синодальном (русском) переводе и в английской «Библии короля Иакова» (*King James Bible*), т.е. выявим, насколько интенсивно и в каких словесных образных формах в библейском тексте отражается многообразие смыслов этого концепта. Выбор указанных переводов для исследования обусловлен сопоставимостью их по духу, по богослужебному назначению (о чём, в частности, пишет Е.М. Верещагин [4]), что подтверждается анализом лексико-грамматических, синтаксических и стилистических особенностей *King James Bible* [11: 92–105]. В качестве методов исследования использован частотный анализ, прежде всего, русского библейского текста с проведением сплошной выборки слов с корнем «люб», а также выборки словосочетаний с существительным «любовь» и с однокоренными ему глаголами, прилагательными и причастиями. В ходе анализа выявлены соответствия в английском тексте «Библии короля Иакова».

Во-первых, выясним, частотные характеристики понятия. В русском (синодальном) переводе Библии однокоренные слова из семантического поля концепта «любовь», имеющие положительный нравственный смысл, встречаются в Ветхом Завете 279 раз, в Новом Завете 242 раза: это существительное «любовь» (в разных падежах), причастия «возлюбленный», «любящий» (в разном лице и числе), глаголы «воз/по/любить» (в разном времени, лице и числе).

Интересно, что в «Библии короля Иакова» слова из семантического поля концепта «love», имеющие положительный нравственный смысл, используются более часто, чем в синодальном переводе Библии: в Ветхом Завете 326 раз – это *Lovingkindness* (милость), *loving*, *lovely*, *Love*, *(be)loved*, архаичные формы глагола *to love: lovest, loveth, lovedst*. В Новом Завете эти же слова в английском тексте также встречаются чаще, чем в синодальном переводе – 328 раз (при этом *Lovingkindness*, *loving* не используются совсем).

Рассмотрим теперь понятийно-образные характеристики концепта «любовь» соответственно в Ветхом и Новом Заветах.

В целом библейские тексты говорят о двух видах любви, о которой ничего не сказано в античной мысли, – любви Бога к миру и человеку и любви человека к Богу. Любовь Бога к человеку, например, показана в Ветхом Завете в словах: «Господь Бог твой любит тебя» / *the Lord thy God loved thee* (Втор. 23: 5). В Новом Завете находится известная фраза: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» / *For God so loved the world, that he gave his only begotten Son* (Ин. 3: 16).

В свою очередь, любовь человека к Богу в Ветхом Завете видна в словосочетаниях «любить Господа» / *to love the Lord your God* (например, во Второзак. 11: 13, Иисуса Навина 22: 5), «любить имя Господа» / *to love the name of the Lord* (Ис. 56: 6).

В Новом Завете глагол «любить» указывает на Бога (1 Ин. 4: 20; 1 Кор. 8: 3), на Иисуса Христа (1 Кор. 16: 22). Здесь проводится прямая связь между любовью и познанием Бога, например: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» / *He that loveth not knoweth not God; for God is love* (1 Ин. 4: 8).

Ветхий Завет призывает любить истину и мир / *love the truth and peace* (Зах. 8: 19), любить дела милосердия / *love mercy* (Мих. 6: 8), любить душу свою / *love (his) own soul* (Прит. 19: 8), любить чистоту сердца / *love pureness of heart* (Прит. 22: 11), возлюбить добро / *love the good* (Ам. 5: 15), любить пришельца / *love the stranger* (Втор. 10: 18, 19). Псалмопевец говорит также: «Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость» (Пс. 50: 8). Этим строкам соответствует в «Библии короля Иакова» отрывок из Псалма 51: 6: *Behold, thou desirest truth in the inward parts: and in the hidden [part] thou shalt make me to know wisdom*. Несмотря на нюансы перевода (используются не только разные глаголы, но и разное наклонение, разное время), в обоих переводах видно, что именно *любовь к истине* открывает путь к мудрости.

В текстах Ветхого Завета мы находим такие выражения, входящие в поле концепта «любовь», как любимое дитя / *pleasant child* (Иер. 31: 20), нежно любимый и единственный сын / *son, tender and only beloved* (Прит. 4: 3). Концепт любовь в Ветхом Завете раскрывается также в таких метафорах, как: «воскипела любовь к брату его» / *his bowels did yearn upon his brother* (Быт. 43: 30), «прилепился <...> любовью» / *clave <...> in love* (3 Цар. 11: 2), «любовь покрывает все грехи» / *love covereth all sins* (Пр. 10: 12).

В новозаветных текстах христиане призываются любить ближнего как самого себя / *to love his neighbour as himself* (Мар. 12: 33), любить друг друга / *love one another* (1 Ин. 3: 23; 4: 7), любить своих мужей, любить своих детей / *to love their husbands, to love their children* (Тит. 2: 4), свою жену как самого себя / *love his wife even as himself* (Еф. 5: 33), любить братство / *love the brotherhood* (1 Пет. 2: 17), любить братьев / *love the brethren* (напр., 1 Иоан. 3: 14), любить детей Божиих / *love the children of God* (1 Ин. 5: 2).

В Новом Завете также появляется антиномия «любить любящих» / *love those that love them* (напр., Лк. 6: 32) и «любить врагов» / *love your enemies* (напр., Лк. 6: 27), которой не было в Ветхом Завете, и ни в одной религии вообще. С этой антиномией связано понятие «человеколюбие» (Деян. 28: 2), которое в синодальном переводе Библии вместе с однокоренными словами «человеколюбивый», «человеколюбиво» встречается 4 раза. В «Библии короля Иакова» им соответствуют *kindness* (дословно «доброта, доброжелательность») (Деян. 28: 2), *courteously* (дословно «учтиво, вежливо, обходительно») (Деян. 27: 3). При этом в Ветхом Завете слово «человеколюбивый» (в английском варианте – *merciful* – милосердный, милостивый, сострадательный) применяется только в отношении Бога: «Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный» / *The Lord God, merciful and gracious, longsuffering, and abundant in goodness and truth* (Исх. 34: 6). Однако в Новом Завете понятие «человеколюбивый» мы находим не только в словах о Спасителе («Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога» / *But after that the kindness and love of God our Saviour toward man*

appeared) (Тит. 3: 4), но также и при описании поступков человека по отношению к человеку (см. выше Деян. 27: 3; 28: 2). В этом, на наш взгляд, виден намёк на истину, которая дана в христианстве: любовь к человеку, которая свойственна Богу, теперь становится доступной человеку – необходимо и нормально любить человека вообще, независимо кто он тебе – брат, жена, муж, друг или враг.

В Новом Завете подчеркивается деятельный характер любви: «станем любить не словом или языком, но делом и истиной» / *let us not love in word, neither in tongue; but in deed and in truth* (1 Ин. 3: 18).

Как и в Ветхом Завете актуальным для христиан, согласно текстам Нового Завета, остаётся призыв любить странников / *strangers* (которые называются в русском тексте Ветхого Завета «пришельцами», напр., во Втор. 10:19), на что указывают однокоренные слова от существительного «страннолюбие» (1 Пт. 4: 9, 1 Тим. 3: 2, Тит. 1: 8, Евр. 13: 2). В «Библии короля Иакова» мы находим соответственно в упомянутых отрывках выражения: *given to hospitality* («гостеприимный»); *hospitality one to another* («гостеприимство друг другу»); *a lover of hospitality* («любящий гостеприимство»); *to entertain strangers* («принимать странников»).

Если сопоставить виды любви в древнегреческом языке, о которых говорилось выше при рассмотрении слова в философском аспекте, т.е. «эрос», «филия», «агапэ», «сторгэ», то самой очевидной для Священного Писания является аналогия с античным понятием «сторгэ» – это любовь к жене, мужу, детям, отцу, матери, сыну, дочери, брату.

Что касается «филия» и «агапэ», то, по наблюдению о. Павла Флоренского, в некоторых случаях в Священном Писании Нового Завета «агапэ» и «филия» почти взаимозаменяемы, в других дифференцируются [15: 325].

Так, «агапэ» в греческом переводе Нового Завета применяется, когда речь идет о заповеди любви к Богу и к ближним, а также к врагам. Когда же Евангелия рассказывают о любви Господа к Лазарю, используется то «филия», то «агапэ» (Ин. 11: 3, 5, 36; Ин. 20: 21, 13: 23, 19: 26, 21: 7). Христос Воскресший упрекает Петра, что он нарушил именно дружескую любовь – «филия», и поэтому, переспрашивая его «Любишь ли ты меня?», Христос тем самым хочет показать, что если возврата к «филия» уже нет, то должен быть возврат, по крайней мере, хотя бы к «агапэ», т.е. любви, которую должно питать ко всем людям [15: 325–326].

Что же касается любви «эрос», то в Ветхом Завете, с одной стороны, можно найти обширные семантические ряды метафор телесности и человеческой влюблённости, которые содержатся в Песни Песней царя Соломона, например: «Ибо крепка, как смерть, любовь» / *for love [is] strong as death* (Песнь Песней 8: 6); «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её» / *Many waters cannot quench love, neither can the floods drown it* (Песнь Песней 8: 7). Главное содержание этой книги – чувства влюблённых. Само название «Песнь Песней» означает превосходнейшую, наилучшую из всех других песней. Интересно, что, несмотря на эротические образы и несмотря на то, что слово «Бог» не встречается в Песни Песней ни разу, в сирийском переводе Библии Пешито эта книга переведена как «Премудрость

Премудростей». Этим показывается, что «Песнь Песней» не простой шедевр любовной лирики, но имеет неизмеримо высокое достоинство [8]. Как пишет о. Александр Мень, в аллегорическом толковании иудейских комментаторов Невеста и Жених из Песни Песней являются символическими образами Яхве и Израиля. Эта символика была воспринята в христианстве благодаря апостолу Павлу, который ввел понятие таинственного брака Церкви со Христом (Еф. 5: 32) [9]. Любовь в Песни Песней изображена как могущественная *сила*, преодолевающая все преграды. О. Александр Мень подчёркивает: «Именно то, что земная любовь становится в Библии символом отношений между Богом и человеком, делает её еще прекрасней» [там же].

Хотя любовь «эрос» и её образные характеристики можно найти в ветхозаветных текстах не только в Песни Песней, но также в Притчах (например, в синодальном переводе Прит. 5: 19 о законной жене сказано: «любовью её услаждайся постоянно», а в Прит. 7: 18 описывается ситуация запретной любви: «насладимся любовью»), в целом, по наблюдению о. Павла Флоренского, исследовавшего перевод Септуагинта, в греческом тексте Библии слова «эран» и «эрос» «почти исключены из книг Ветхого Завета и вовсе не допущены в книги Нового Завета» [15: 323]. Отметим при этом такой факт, что в «Библии короля Иакова» вышеуказанные стихи опущены совсем (в современном переводе *New Revised Standard Version* 1989 г. они, однако, есть).

Действительно, в отличие от текста Ветхого Завета даже по описательным характеристикам в тексте Нового Завета ничего не говорится о страстной любви «эросе». Возможно, такое умолчание имеет цель поднять статус женщины и превратить её из простого объекта для эротического наслаждения, в личность, вернуть ей то положение, которое она, согласно христианскому богословию, имеет с мужчиной наравне, будучи, как и он, образом Божиим (Быт. 1: 27). Интересно также отметить, что в новозаветных текстах дважды встречается повеление, которое апостол Павел обращал в своих письмах к ефессянам и колоссянам «Мужья, любите своих жён» (Еф. 5: 25, Кол. 3: 19), но призыв к женам любить мужей встречается в Новом Завете всего лишь один раз, причём во фразе, напутствующей на брак: «чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить детей» (Тит. 2: 4). В послании ефессянам жене предписывается не любить, а именно «бояться мужа своего» (Еф. 5: 33). Таким образом, о страстной любви жены к мужу даже в пределах брака в новозаветных текстах сознательно умалчивается.

С другой стороны, термины «эрос», как замечает о. Павел Флоренский, используют отцы-мистики: Григорий Нисский, Николай Кавасила, Симеон Новый Богослов [15: 325]. Возможно, святые отцы хотят показать этим необычайную силу, которой может достигнуть любовь человека к Богу: ближе всего к ней по своей силе в земной жизни является любовь «эрос», т.е. любовь, возникающая между мужчиной и женщиной.

Какова же природа любви согласно Священному Писанию? В этом отношении будет интересно рассмотреть отрывок из Фил. 1: 9, «и молюсь о том, чтобы любовь ваша ещё более и более возрастала в познании и всяком чувстве» / *And this I pray, that your love may abound yet more and more in knowledge and [in] all judgment.* Для любви здесь как бы дано два основных направления её понимания – познание и чувство. Но что нужно понимать под

«чувством» в тексте Священного Писания? Ответ находим в Евангелии Луки: рассказ о том, как именно была исцелена женщина, много лет страдавшая кровотечением и *тайно* прикоснувшаяся в толпе к одеждам Иисуса Христа в надежде на исцеление. Христос свидетельствовал: «Прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» / *Somebody hath touched me: for I perceive that virtue is gone out of me* (Лк. 8: 46). В этом высказывании Христа видна явная связь между чувством и силой, т.е. энергией. Поэтому мы можем говорить, что если любовь понимается как чувство (согласно Фил. 1: 9), а чувство как энергия (согласно Лк. 8: 46), то отсюда в целом в Новом Завете можно усмотреть понимание любви как энергии.

Хотя Новый Завет молчит о любви «эрос», он уделяет внимание браку, т.к. браком христианство пытается упорядочить естественную страстную любовь, налагает на неё узы, призывая к моногамии. За пределами брака, как известно, и в ветхозаветном понимании, и новозаветном любовь «эрос» часто сопровождается отрицательными последствиями, носит название прелюбодеяния или блуда. В Ветхом Завете четко осуждаются их явные проявления (что связано с богоустановленной заповедью «Не прелюбодействуй» / *Thou shalt not commit adultery* (Исх. 20: 14)). В Новом Завете такое отрицательное значение придается не только явному проявлению запретной любви «эроса» – любви за пределами брака, но и ее проявлению на уровне мысли, т.е. на уровне желаний («всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» / *whosoever looketh on a woman to lust after her hath committed adultery with her already in his heart* (Мф. 5: 28)).

Действительно, чувственные интенции человека, будучи энергетическими по своей природе, могут быть настолько сильны, что становятся физически ощущаемы другим человеком – объектом вожделений и, таким образом, когда это совершается против его воли, являются насилием. При этом если «жертва любви» пробует защититься, она может встретиться с реакцией прямо противоположного характера со стороны насильно любящего. В этом отношении можно привести слова свящ. Александра Ельчанинова: «Из бесконечного количества явлений и лиц мы выбираем родственные нам, включаем их в своё расширенное «я» и любим их. Но стоит им отойти немного от того, за что мы их избрали, как мы изолируем на них полную меру ненависти, презрения, в лучшем случае – равнодушия. Это человеческое, плотское, природное чувство <...> Оно непрочно, легко переходит в своё противоположение, принимает демонический характер» [6: 96].

Вообще Новый Завет говорит предпочтительно о любви «агапэ», причём говоря о Боге («Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8)). Как пишет о. Павел Флоренский, библейская «агапэ» являет себя с чертами не человеческими и условными, а божескими и абсолютными» [15: 327]. У любви главное свойство – интенциональность, т.е. «направленность-из-себя», любовь есть именно «любящая». Если человек сотворен по образу Божию, то он тоже призван к тому, чтобы быть любовью, т.е. быть, прежде всего, любящим – так, любовь человеческая является образом любви Божией. И если по своей природе любовь Божия есть энергия, то человеческая любовь также есть разновидность энергии. Отличие только в том, что Божественные энергии нетварны, а энергия

человеческой любви тварная. Божественная любовь есть любовь созидаящая, умиротворяющая, дарующая жизнь и приводящая человека к добру.

Только когда происходит соединение человеческой любви с любовью Божией, раскрываются в полной мере характеристики той христианской любви «агапэ», о которой пишет апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (Кор. 13: 4–7). Интересно, что в этих же строках в «Библии короля Иакова» слово любовь переведено как «милосердие», т.е. *charity* (по-видимому, так переводчики постарались передать нюансы греческого языка, переводя слово «агапэ»): *Charity suffereth long, [and] is kind; charity envieth not; charity vaunteth not itself, is not puffed up, Doth not behave itself unseemly, seeketh not her own, is not easily provoked, thinketh no evil; Rejoiceth not in iniquity, but rejoiceth in the truth. Beareth all things, believeth all things, hopeth all things, endureth all things.*

К характеристикам любви «агапэ» относится также отсутствие страха: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» / *There is no fear in love; but perfect love casteth out fear* (1 Ин. 4: 18), а также невозможность причинить зло ближнему: «Любовь не делает ближнему зла» / *Love worketh no ill to his neighbour* (Рим. 13: 10).

Заключение

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. В русскоязычном и англоязычном переводах Библии в ветхозаветных текстах встречаются обширные семантические ряды концепта «любовь», которые расширяются в новозаветных текстах, при этом русский перевод отличается обилием морфологических форм с корнем «люб», а английский перевод в соответствующих фрагментах часто содержит другие лексические формы, близкие по смыслу.

Исследование текста Нового Завета также показывает, что концепт «любовь» напрямую связан с концептом «Бог» и именно поэтому обладает деятельным, интенциональным характером, что подчёркивается глаголами, использованными в Кор. 13: 4–7.

Греческая четверица любви («эрос», «агапэ», «сторгэ», «филия») при переводе на русский и английский языки в библейских текстах представлена по-разному: в русском переводе нет нюансов этой четверицы, для всех случаев применяется слово «любовь», в английском переводе «Библии короля Иакова» нюансы в отношении «агапэ» могут передаваться через использование иных слов. Например, для перевода с греческого языка любви «агапэ» в Кор. 13: 4–7 использовано слово *charity* («милосердие»). Описания любви «эроса» и её образных характеристик в ветхозаветных текстах (например, в Песни Песней и Притчах) по общепринятому толкованию Библии интерпретируются на возвышенном уровне отношений Бога и Израиля (у иудейских герменевтов), либо Христа и Церкви (у христианских экзегетов).

Список литературы

1. Аверинцев С. София-Логос. Словарь. [Электронный ресурс] // Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. 912 с.

- URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/136. (Дата обращения: 18.07.2018.)
2. Алефиренко Н.Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 5–12.
 3. Библия: подстрочный перевод // Biblezoom: углубленное исследование библейского текста он-лайн. URL: <http://www.biblezoom.ru> (Дата обращения: 15.08.2018.)
 4. Верещагин Е.М. Библия короля Иакова и Библия митрополита Филарета: сходства перевешивают различия // Библия короля Иакова: 1611–2011. Культурное и языковое наследие / отв. ред. д-р филол. наук Е. Б. Яковенко. М.: БукиВеди, 2013. 250 с. С. 172–200.
 5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус.яз., 1999. Т.2: И-О. 779 с.
 6. Ельчаниннов А., свящ. Православие для многих. Отрывки из дневника и другие записи. М.: Дарь, 2006. 352 с.
 7. Ефремова Т.Ф. Н Новый словарь русского языка. Толково-образовательный [Электронный ресурс]. М.: Рус. яз. 2000. в 2 т. 1209 с. URL: <https://www.efremova.info>. (Дата обращения: 15.08.2018.)
 8. Лопухин А.П. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Электронный ресурс] // Т. 1–11. 2-е изд. [Репр. изд.] Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_51/26. (Дата обращения: 17.06.2018.)
 9. Мень А. Исагогика. Песнь Песней [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bible-center.ru/book/isagogika/002/003>. (Дата обращения: 17.08.2018.)
 10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Чл.кор. АН СССР Н.Ю.Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус.яз., 1987. 750 с.
 11. Полетаева Т.А. Социокультурный аспект когнитивно-дискурсивной парадигмы христианской лексики (на материале King James Bible и New Revised Standard Version): монография. Белгород: Апробация, 2018. 142 с.
 12. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892 с. С.581–756.
 13. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 822 с. С.493–547.
 14. Ушаков Д. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / В 4 т./ М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. 752 с. URL: <http://ushakovdictionary.ru>. (Дата обращения: 17.06.2018.)
 15. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.
 16. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. 2014. 2224 p. URL: <https://slovar-vocab.com/english/longman-vocab>. (Дата обращения: 12.08.2018.)
 17. Oxford English Dictionary (Second edition), edited by John Simpson and Edmund Weiner [Electronic resource]. Clarendon Press, 1989, 20 volumes Oxford University Press, 2005. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>. (Дата обращения: 12.08.2018.)
 18. The Holy Bible containing Old and New Testaments and the Apocrypha translated out of the original tongues: and with the former translations diligently compared and revised, by his Majesty's special command [King James Bible]. Cambridge: University Press. 872 p.
 19. The Holy Bible. New Revised Standard Version. Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1989. 816 с.

**CONCEPTUAL AND IMAGINATIVE CHARACTERISTICS OF THE
CONCEPT *LOVE* IN LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ASPECTS
(on the synodal translation of Bible and King James Bible)**

T.A. Poletaeva

Belgorod Theological Seminary (with missionary orientation), Belgorod
Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University, Moscow

In the article characteristics of the concept «love» are compared on the base of analysis of the meanings of the word in explanatory dictionaries and its interpretation at the philosophical level. The conceptual and imaginative characteristics of the concept «love» in the Russian (Synodal) translation of the Bible and in the Bible of King James are investigated.

Key words: *concept, archetypical, linguistic and philosophical, love, Bible, Russian synodal translation, King James Bible.*

Об авторе:

ПОЛЮТАЕВА Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белгородской Духовной семинарии (с миссионерской направленностью); доцент кафедры новых технологий в гуманитарном образовании Дистанционного Института Православного Свято-Тихоновского Университета; e-mail: polet_ta@mail.ru